

Валерий
ВЕРХОГЛЯДОВ

г. Петрозаводск

Телефонный звонок был требовательный и продолжительный.

Так вызывают по межгороду.

Жена подняла трубку, послушала несколько секунд и сказала:

– Ничего не понимаю, но, кажется, это тебя.

Связь была плохой.

В трубке то свистело, то вдруг наступала тишина, абсолютная тишина, которая мне виделась угольно-черной.

Через этот разбойничий свист и ночное молчание с трудом пробивался женский голос.

Вначале я разобрал имя: Нина.

И снова свист, и снова тишина.

В какой-то миг помехи вдруг пропали, и я услышал:

– Меня зовут Нина Васильевна. Вы слышите?

– Да-да, – обрадованно закричал я.

– А фамилия Градусова. Я уже старая, мне восемьдесят два года, мне тяжело громко говорить. Я звоню вам из Запорожья. Вы слышите?

– Слышу.

– Вы писали о моем отце.

Я ахнул – не может быть! Очерк о репрессиях 1937 года, главным героем которого стал Васи-

лий Градусов – и.о. редактора газеты «Красная Карелия», был опубликован четверть века назад!

– Вы дочь Василия Митрофановича?

– Да! – выкрикнула как выдохнула, она. – Я дочь Градусова и до сих пор ношу его фамилию. А звоню вам потому, что хочу сказать спасибо. От всех нас спасибо. Это из вашего материала мы узнали, как был арестован отец. Когда это произошло, мама писала во все инстанции. Вначале ей ответили, что он умер от аппендицита, а на следующий год, что от воспаления легких. Вы слышите? У нас тут на Украине невесть что творится, но в Запорожье, слава богу, пока не стреляют. Все равно мы решили, что нужно переезжать в Ленинград, простите, я называю его по-старому. Нужно возвращаться на родину.

– Как вы узнали мой телефон? – спросил я, но ответа не услышал – в трубке опять пронзительно зашвистело.

– Нина Васильевна!

– Я... не понимаю. Я плохо... слышу... вас.

– Нина Васильевна! Сообщите номер вашего телефона. Или позвоните мне еще раз. Пожалуйста. Алло, алло...

Очерк «1937: Дневник Василия Градусова» увидел свет в декабре 1989 года на страницах «Ленинской правды».

Позже эта газета сменит несколько названий, вначале станет называться «Северный курьер», чуть позже «Северный курьер Карелии», затем «Курьер Карелии», а потом и вообще закроется. Жаль. Это было старейшее издание нашего края, первый номер которого вышел после Февральской революции, в так называемый период двоевластия, 29 июня 1917 г. (по ст. стилю) и назывался «Известия Олонечного губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов».

В то время, когда я стал изучать архивные материалы по репрессиям 1937–38 годов, это была еще «Ленинская правда», орган областного комитета КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Карельской АССР.

Социальная революция, которая именовалась «перестройкой», только-только набирала обороты, мы еще жили в Советском Союзе.

Очерк получился большой и печатался с продолжением в четырех номерах газеты.

В 1992 году карельский политолог Анатолий Цыганков включил его в свой сборник «Их называли КР. Репрессии в Карелии 20–30-х годов».

Я думаю, что именно эта книжка, а не газетная публикация, спустя много лет попала в Запорожье.

Сейчас о сталинских репрессиях пишут мало, хотя страшная правда о той трагедии рассказана далеко не вся. В исторической науке и публицистике, как и вообще в жизни, тоже есть темы модные и такие, которые уже не вызывают широкий общественный резонанс. Тема лагерей и массовых расстрелов не перестала быть актуальной, но утратила новизну, а значит, в какой-то степени и привлекательность для исследователей.

Звонок из Запорожья, где новая власть вела войну со значительной частью своего народа на юго-востоке страны, заставил меня по-иному взглянуть на этот пережитый Россией урок истории.

Я далек от мысли кого-то поучать, направлять, воспитывать.

Я лишь литератор, который занимается своим делом.

А выводы должны делать читатели. Как говорят острословы, смотри, куда идешь, а то придешь, кудамотришь.

После некоторых раздумий я решил включить историю Василия Градусова в книгу рассказов и очерков, над которой работал.

Ее необходимо было как-то поддержать, чтобы не торчала из сложившегося повествования, как гвоздь из табулетки.

Ничего готового и подходящего у меня на тот момент не было, хотя на тему репрессий писал немало. Сложно объяснить, потому что это все на уровне ощущений, но автор всегда точно знает, стыкуются или не стыкуются между собой отдельные части книжки.

Ночью остановились часы, которые изо дня в день меланхолично тикали на письменном столе.

На следующий день я пошел в «Мелодию» за новой батареейкой и случайно встретил на улице историка Константина Белоусова.

Он рассказал о научной конференции, которая должна состояться в Петрозаводске, а я о своей внезапно появившейся проблеме.

– Знаешь, что тебе подойдет? Жизнеописание унтер-офицера Алексея Михеева, – сказал Белоусов.

И он тут же на улице рассказал о том, что выпало на долю обычного северного карела.

История меня заинтересовала, я чувствовал – это то, что нужно: судьба отдельного человека в жерновах времени. Но что было делать – ведь не я, а Белоусов обнаружил архивные документы.

– Понравился сюжет? – спросил Константин.

– Понравился.

– Хочешь, подарю? Напишешь. Мы в разных жанрах работаем, у тебя – очерки и рассказы, у меня – статьи и доклады на конференциях.

– А потом скажут, что же вы, ребята, из одного стакана пьете? Наливал-то в него кто?

Тайное всегда становится явным.

Помню, как в газете «Город» наш редактор Воеводин, разобрав свежую почту, перебрал мне на стол одно из писем.

– По твоей части. По-моему, любопытно.

На двух листочках в клеточку аккуратным ученическим почерком был написан, а точнее переписан мой краеведческий материал, некогда опубликованный на страницах «Комсомольца». Для современного школьника и Советский Союз, и эта газета, выходящая, как ни крути, в прошлом веке, были далекой, почти замшелой историей.

Посмеялся.

Мое письмо начинающему краеведу было коротким, написал: «Я еще жив» и расписался.

Случалось и в Интернете находить свои заметки за чужой подписью, иногда слегка переделанные, иногда просто чуть сокращенные. Почему-то газетные публикации некоторые краеведы считают общественной собственностью – все вокруг колхозное, все вокруг мое...

Впрочем, я не хочу кого-то тут же обвинять в плагиате и делать скоропалительные выводы,

как-то и сам попал впросак: был уверен, что привожу данные из «Олонецких губернских ведомостей», а на самом деле процитировал абзац из статьи знатока городской архитектуры. Потом долго извинялся, расшаркивался и вообще чувствовал себя крайне неловко.

Нет, как говорил знаменитый спортивный комментатор Николай Озеров, такой хоккей нам не нужен.

О чем со вздохом и сообщил Константину.

– Смотри сам, – сказал он. – Я же от души.

На следующий день позвонил Белоусову.

– Я бы мог изложить твою историю своими словами, но закрепив за ней твоё исследовательское авторство. Согласен?

– Конечно.

– Потребуется некоторые уточнения и, возможно, выписки из документов.

– Это тебе решать.

Мы еще дважды встречались, подолгу беседовали.

Так появился этот очерк.

Мужчина призывного возраста

*Литературная запись рассказа
историка Константина Белоусова*

Алексей Михеев был арестован органами ОГПУ в марте 1933 года как один из активных «караванюристов».

– Стоп, стоп, – сказал я Белоусову. – Прежде чем рассказывать о злоключениях нашего героя, думаю, необходимо пояснить, что скрывается за понятием «каравантюра».

– Этот термин родился еще в двадцатые годы прошлого столетия, естественно, что все происходившие тогда события описывались с точки зрения большевистской идеологии.

В девяностые годы появились новые подходы к этой теме. Они коснулись не только оценки событий, но и терминологии, поэтому сегодня если и говорят, то о «Карельском восстании» или «Карельском мятеже».

Суть же в том, что 14 октября 1920 года Советская Россия и Финляндия подписали Тартуский (иначе Юрьевский) мирный договор. Его основными принципами было создание обстановки обоюдной безопасности и прекращение пограничных конфликтов. Несмотря на это, наши западные соседи не оставили надежды по присоединению к Финляндии части карельской территории. В результате военного вторжения к октябрю 1921 го-

да Тунгудская, Ребольская, Ухтинская и Вокнаволоцкая волости были заняты белофиннами.

В ноябре ими уже было захвачено и множество населенных пунктов Кемского уезда.

Но в декабре в Карелию была переброшена мощная группировка частей Красной армии, которые к февралю 1922 года разгромили белофинские формирования и вышли на рубеж государственной границы.

Одним из последствий этих драматических событий стал уход части местного населения на территорию Финляндии.

По данным Карельского отдела ГПУ, за границу мигрировало десять-двенадцать тысяч карелов.

30 апреля 1923 года ВЦИК РСФСР объявил «Амнистию карельским беженцам», и многие карелы вернулись на родину.

По документам финского посольства в Москве, таковых было около пяти тысяч человек, руководство Советской Карелии называло иное число, а именно восемь тысяч так называемых «возвращенцев».

Все эти сведения нуждаются в уточнении.

В архиве Управления ФСБ России по Республике Карелия сохранилось обвинительное заключение по делу Отдельной карельской егерской бригады, в котором говорится, что «После ликвидации всех этих авантюр в Финляндию отступило около 18000 карельских и ингерманландских беженцев-эмигрантов, из коих около половины впоследствии вернулось по амнистии и нелегально в Советский Союз...»

«Возвращенцы» прошли проверку в фильтрационных лагерях и были поставлены на учет в органах ГПУ.

В Национальном архиве Республики Карелия имеется документ, который называется «Торжественное обязательство». Это формализованный бланк, в котором указывались персональные данные лица, вернувшегося «из пределов Финляндии в Карельскую Трудовую Коммуну» и принявшего на себя обязательство неукоснительно соблюдать законодательство РСФСР и Карельской Трудовой Коммуны. При этом всякое «возмездие со стороны Советской власти за нарушение данного обязательства» подписавший документ признавал «законной репрессией».

В служебных документах ГПУ-ОГПУ сведения и прогнозы о финском шпионаже зазвучали еще тогда, когда вооруженный конфликт не был погашен, и продолжились в 20–30-е годы, равно как и заявления о финской военной угрозе и опасности «карельского сепаратизма».

На протяжении 1928–1929 годов чекисты Каре-

лии вели интенсивную переписку с руководством полномочного представительства ОГПУ в ЛенВО. Во всех этих документах говорится о росте анти-советских настроений среди населения и реальности военного вторжения в приграничные районы республики, а также об активности финских спецслужб, направленной на подготовку новой авантюры.

В апреле 1929 года карельская контрразведка приступила к планированию массовой операции по изоляции «каравантюристов» и их пособников, к началу 30-х её замысел окончательно созрел и был одобрен центром.

Вскоре начались аресты.

В Карелии это по сути дела стало прелюдией к массовым репрессиям 1937–38 годов.

Одним из таких арестованных «каравантюристов» и был Алексей Савельевич Михеев.

Из протокола допроса, произведенного уполномоченным ОГПУ Ухтинского погранотряда Пулкинином И.

«Михеев Алексей Савельевич.

Происхождение: из деревни Алозеро Ухтинского района АКССР.

Местожительство: там же.

Род занятий: столяр.

Семейное положение: женат. Имею кроме жены 4 чел. детей в возрасте от 1 до 4 лет.

Имущественное положение: дом, одна корова. Другая корова передана в колхоз.

Партийность: беспартийный.

Отношение к военной службе: запас 1-й очереди.

Политические убеждения: без определенных убеждений.

Образование: малограмотный самоучка.

Чем занимался до революции: работал на лесозаготовках и сплавах.

Сведения о прежней судимости: в Финляндии за участие в Красной армии и расстреле белогвардейцев в 1925 году был осужден на тюремное заключение».

Родился Алексей Михеев, как явствует из документов, в 1896 году.

В 1915-м был призван на воинскую службу в действующую армию и отправлен на фронт с германцами.

Воевал он неплохо – за личную храбрость был награжден двумя Георгиевскими крестами (3-й и 4-й степени) и произведен в унтер-офицеры.

Первое ранение у него было легким, и вскоре он вновь оказался в строю. Второй раз ранили уже серьезно, и весной 1917 года после лечения в гос-

питале Михеева для поправки здоровья отправили на родину – в Куусалмо, это примерно в сорока пяти километрах от станции Поньга Мурманской железной дороги, где в то время проживала его жена.

Там он встретил революцию.

Революция революцией, но есть ведь еще и священная обязанность – родину защищать.

Михеев поехал в Кемь, где явился к воинскому начальству и спросил – нужно ли ему отправляться на фронт.

Знаешь что, мужик, сказали ему, общеполитическое положение какое-то неясное. Непонятное, словом. Сиди-ка ты дома, а если что – так мы тебя известим.

Позже на допросе Михеев покажет, что с разрешения кемских воинских властей он не вернулся в свою часть, а остался работать на железнодорожной станции. Через два месяца в складчину с товарищем купил лошадь и переехал работать на станцию Энгозеро.

Весной 1918 года Михеев вступил в Красную гвардию.

Почему?

Однозначного ответа нет.

Возможно потому, что большевистская власть обещала народу мир и землю. А что еще нужно крестьянину? Именно по этой причине, например, на сторону красных перешла часть казачества.

«Воевал я под Кемью, – говорил на допросе Михеев. – Именно там произошел бой с белофиннами, которые наступали со стороны Подужемья. После того как оккупанты отошли, нашу часть распустили, и я снова вернулся на станцию Энгозеро».

Я усомнился в правдивости этих показаний.

Кто же будет расформировывать воинскую часть во время боевых действий?

Не лукавит ли наш герой?

Может, и лукавит, согласился Белоусов, может, он просто-напросто дезертировал, тем более что и дальнейшие его показания выглядят... Как бы это сказать? Словом, фантастично.

«Приблизительно через две недели, – говорится в материалах допроса, – руководство Красной гвардии, под которым я участвовал в боях около г. Кемь (фамилию командира не помню) направило меня с разведывательными заданиями в тыл противника, то есть в Ухту и другие деревни вплоть до Костамуксы».

Какое руководство? Какое задание? Кому докладывать о результатах разведки?

Одни вопросы. Ответов на них нет.

А указывается следующее:

«...Я благополучно добрался до деревни Костамукса, где у своего отца в то время проживала моя жена. На квартире у нее через два дня после прихода был арестован одним из руководителей «каравантюры» из г. Куопио Тойвоненом.

Последний при допросе предложил мне вступить в белую армию, но я от этого предложения отказался.

Тогда меня посадили в одну из бань.

Стоявший в третьей смене солдат, фамилию которого не помню, сообщил мне, что утром на рассвете я буду расстрелян. Благодаря этому солдату и вместе с ним мне удалось бежать...»

Кто был этот солдат и почему он помог Михееву бежать?

Вероятней всего, это был земляк.

Тогда становится понятной «забывчивость» нашего героя. Ведь назови Михеев имя спасителя, и органы ГПУ могли его арестовать и обвинить в службе у белофиннов.

На одном из последующих допросов, которые вел уже другой следователь, Михеев все-таки назвал этого солдата – Карл. (Хотя, возможно, он и на этот раз сказал неправду.)

«Мы с Карлом добрались до Кеми, – показал он на допросе, – где Карл вступил в отряд красных финнов», сам же Михеев, по его словам, «влился в отряд красных карелов». С приходом англичан, которыми командовал полковник Вудс, «мы были первоначально арестованы, а спустя трое суток освобождены и приступили к формированию местного отряда».

В этом месте необходимо кое-что прояснить.

Интервенция на севере Карелии в нашей исторической литературе освещена явно недостаточно. Имя полковника Филиппа Джеймса Вудса упоминается вообще лишь в отдельных статьях. Между тем это фигура яркая и колоритная, что и доказал английский историк Ник Барон, выпустивший книгу «Король Карелии. Полковник Ф.Дж.Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг.». («Королем Карелии» с долей иронии назвал этого человека в своем письме генерал Чарльз Мейнард.) В первой части книги опубликованы воспоминания самого Вудса «Карельский дневник», вторая часть – «Жизнь и эпоха Ф.Дж. Вудса» написана исследователем.

Читается книга как приключенческий роман, потому что ее главный герой по призванию – профессиональный солдат, а по складу характера – авантюрист.

До того как попасть в Карелию, Вудс уже поуча-

ствовал добровольцем в англо-бурской войне и отличился на фронтах Первой мировой. В 1918 году он получил назначение в британский экспедиционный корпус генерала Мейнарда, направленный на север России.

На севере в это время враждовавших сторон было больше чем достаточно. На эту территорию вторглись немецкие и белофинские войска (уже после заключения мирных договоров с Германией и Финляндией). Здесь же были и красные финны, которые перешли на сторону России после подавления революции в Финляндии.

«Что такое гражданская война вообще и гражданская война в России в особенности, – пишет в рецензии на книгу Н. Барона Никита Елисеев. – Это вовсе не война одного стана (белых) против другого (красных). По сути дела, это война всех против всех. Немцы и белофинны воюют против карельских сепаратистов, русских белогвардейцев и большевиков. Большевики воюют против немцев, белофиннов, русских белогвардейцев и карельских сепаратистов. Карельские сепаратисты воюют против немцев, белофиннов, большевиков и находятся в состоянии вооруженного перемирия с русскими белогвардейцами. Русские белогвардейцы, находясь в состоянии вооруженного перемирия с карельскими сепаратистами, воюют с немцами, белофиннами и большевиками. Такой расклад...»

В гущу этих событий и оказался Алексей Михеев.

«В карельском отряде полковника Вудса, – показывал Михеев на допросе, – я был командиром взвода. Ротой командовал Николай Ругоев, он уже умер, комбатом был Григорий Летолев.

Через два месяца после формирования полковник Вудс отправил наш отряд против белофиннов, с которыми у нас была стычка около деревни Суопасваара, где с их стороны были как убитые, так и раненые, а тринадцать пленных мы расстреляли».

Вообще, как отмечает тот же Н. Елисеев, карельцы дрались жестоко, безжалостно и героически.

На фронте Михееву довелось быть недолго, он серьезно заболел и был эвакуирован в Кемь, где пролежал в госпитале около двух месяцев. По выздоровлении снова принял под командование свой взвод, однако ненадолго, и уже в декабре 1918 года сдал руководство Алексею Ремшуеву.

Самого же Михеева по состоянию здоровья сначала назначили заведующим по отправке грузов, а потом помощником командира нестроевой роты.

«Англичане хотели направить нас на фронт против красных, – показывал он на допросе, – но

около сорока человек, и я в том числе, отказались выполнить этот приказ и разбежались по своим деревням».

Дома он прожил до 1919 года.

Вскоре в Ухте было организовано Временное Карельское правительство. «Меня мобилизовали доставлять на своей лошади грузы из города Каяни в Ухту, – рассказывал Михеев. – Когда в Йоэнсуу были открыты склады Временного Карельского правительства, то по распоряжению главы правительства меня назначили старшим по охране этих складов. Всего в охране было восемь человек, все из разных деревень».

Положение на фронте вскоре изменилось.

В книге Ника Барона говорится, что северные карелы, из числа тех, кого бы мы сегодня назвали сепаратистами, столкнувшись с интригами русских белогвардейцев, обратились к Вудсу с просьбой принять Карелию под протекторат Великобритании. Полковник отправил их петицию в министерство иностранных дел Великобритании и получил ответ: «Не вмешивайтесь во внутренние дела России...»

Он и не вмешивался.

Германия потерпела поражение, надобность в присутствии английского корпуса на севере России отпала.

«Вудс и прочие англичане уходят, – пишет Никита Елисеев. – Карелы скопом дезертируют из созданного Вудсом отряда. Белогвардейцев с лёгкостью вышибают из Карелии».

Красные части уже подходили к Ухте.

Случилось так, что разведка белофиннов столкнулась с разведкой красных, произошла перестрелка, и один красноармеец был убит.

«Нашей охране не было известно о том, что Временное Карельское правительство покинуло Ухту, – рассказывал Михеев. – Когда пришли красные, мы сопротивления не оказывали, тем не менее нас всех арестовали и обвинили в том, что это мы обстреляли тех разведчиков. Всю нашу команду под конвоем отправили в Петрозаводск, из Петрозаводска – в Петроград и далее – в Гатчину, где мы просидели около восьми месяцев».

В Петрозаводске нас осудили, меня, как главного в команде, приговорили к расстрелу, трех человек решено было отправить в концлагерь, остальных оправдали. Но в Гатчине ревтрибунал 7-й армии приговор петрозаводского суда отменил и направил меня служить в 43-ю дивизию, которая находилась в Олонце. Там я пробыл около трех месяцев».

Потом случилось обычное – Михеев заболел. Все-таки ранение, полученное на Первой мировой, постоянно напоминало о себе.

Два с половиной месяца пролежал в военном госпитале, а затем был на полтора месяца отправлен домой для поправки здоровья.

Набираться сил довелось недолго. Уже на четвертый день он получил записку, что должен явиться для службы в один из белофинских отрядов, в рядах которого было много карелов.

Михеев отказался.

Тогда его силком доставили в Тихтозеро, где уже находились два таких отряда. Что там произошло, Михеев не рассказывал, но из Тихтозера его вскоре отправили в Каяни, а затем на принудительные работы в Абовскую губернию. Оттуда он через несколько лет перебрался в город Кухмониemi (сейчас Кухмо) и вскоре стал трудиться на лесозаготовках.

1 мая 1923 года он не на собрании с трибуны, а келейно, в узком кругу, рассказал рабочим-лесорубам о значении международного праздника труда и солидарности. Ночью был арестован финской погранохраной. На допросе в Каяни ему припомнили службу в карельском отряде полковника Вудса и расстрел плененных белофиннов.

Суд в городе Або приговорил его к двенадцати годам тюремного заключения.

В 1926 году, когда между Финляндией и Россией состоялся обмен военнопленными, он в статусе политзаключенного был отправлен на родину. После этого работал в Ухте на скромной должности столяра.

Из протокола заключительного допроса гражданина Михеева Алексея Савельевича, произведенного в Ухтинском погранотряде ОГПУ уполномоченным И. Пуллкинемом 21 марта 1933 г.

«Я признаю себя виновным в том, что подсознательно (так в оригинале) на почве продовольственных затруднений высказывал открыто свои недовольства, активно носившие антисоветский контрреволюционный характер».

К числу таких, признаю, относятся:

1) Считал неправильным преимущественное снабжение красных партизан, о чем неоднократно говорил во всеулышание, предлагая снабжать их наравне с чернорабочими.

2) Говорил о существующих беспорядках, что могли услышать иностранные рабочие. В частности, говорил о том, что аппарат комбината во главе с директором Саксманом Германом (теперь заведующего отделом коммунального хозяйства Петрозаводского горсовета) пьянствует, вследствие чего ни один из заведующих отделами не знает своих обязанностей. Такие разговоры иностранные рабочие вполне могли понять как

стремление мною дискредитировать советский аппарат и руководителей последнего.

3) После моего ареста говорил приблизительно 16-17 марта с/г арестованным об условиях содержания арестованных в тюрьмах Финляндии за то время, когда я сидел там, т.е. с 1923 по 1926 г. При этом отметил, что снабжение арестованных и тюремная обстановка в Финляндии лучше, чем сейчас в СССР. Это также, возможно, было истолковано арестованными как антисоветская агитация с моей стороны.

4) Я выражал недовольство отдельными руководителями отдельных хозяйственных предприятий. Допускаю, что в связи с этим упоминал и о партизанах, и участниках восстания...

Больше добавить ничего не имею, протокол с моих слов составлен правильно и мне переведен на родной язык».

Подписи Михеева и уполномоченного Пуллкинена.

В постановлении уполномоченного Ухтинского погранотряда ОГПУ Пуллкинена указано, что А.С.Михеев достаточно изобличен «...как бывший офицер царской армии и активный «каравантюрист», в связи с этим он привлекается в качестве обвиняемого по ст. 58-4 и 10 УК РСФСР¹.

Из документов, связанных с перепиской по делу о заговоре финского генштаба, можно узнать, что Михеев был осужден условно на 2 года лишения свободы.

В 1959 году военным трибуналом Северного военного округа его дело было пересмотрено и

принято решение о реабилитации в связи с отсутствием в действиях А.С. Михеева состава преступления.

¹ **Статья 58-4 УК РСФСР** – оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности влечет за собой. Наказывается лишением свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела или объявления врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества. [6 июня 1927 года (СУ № 49, ст.330)].

Статья 58-10 УК РСФСР – пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.ст.58-2-58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания, влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст.58-2 настоящего Кодекса.

Валерий Николаевич ВЕРХОГЛЯДОВ

родился в 1946 году в городе Пудожье.

Окончил историко-филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работал в редакциях газет «Комсомолец», «Ленинская правда»,

«Петрозаводск», «Карелия», «Город».

Заслуженный журналист Республики Карелия.

Автор многочисленных очерков

и ряда книг по истории Петрозаводска.

Член Союза писателей России с 2000 года.

Живет и работает в Петрозаводске.

